

ді надзвичайно важлива роль певних контекстуальних обставин, мікро- і макротексту, вужчого й ширшого мовного оточення.

Аналізуючи досліджуваний матеріал, було виокремлено невелику групу фразеологізмів, які передають вільні сполучення оригіналу і не є традиційними в російській мові. Це так звані трансформовані фразеологічні одиниці. Наприклад: *никуда не уйдешь от правды* [3, с.144], *ушли в небытие* [3, с.160], *глазами нас* [3, с.130].

Трансформуючи традиційні фразеологізми, перекладач намагався не тільки уникнути стереотипного, штампованого їх уживання в мові перекладу, але й внести в контекст заряд експресії, пожвавлення оповіді, що наявне в оригіналі. Автори перекладу вдавалися до фразеологічних трансформацій з метою адекватного відтворення експресивно – емоційної картини першотвору. У кожному випадку оновлення фразеологічної одиниці викликано контекстом, його стилістичною орієнтацією і завжди має на меті виконання найрізноманітніших функцій: конкретизації дії, посилення та уточнення значення, збільшення експресії, надання висловлюванню певних відтінків оригіналу.

Отже, однією з умов адекватного відтворення першотвору є бездоганна орієнтація перекладача у фразеології обох мов, прагнення відтворити художньо – стильову своєрідність оригіналу та індивідуальну манеру письменника.

Аналізований матеріал свідчить, що авторизований переклад художніх творів Олеса Гончара російською мовою є тільки адекватним оригіналу порівняно з неавторизованими перекладами.

Джерела та література

1. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Изд-во МГУ. – 1978. – 174 с.
2. Гончар О. Далекие костры: Рассказы. Повести. Пер. с укр. – М.: Советский писатель, 1990.
3. Гончар О.Т. Собор / Авторизованный перевод с украинского языка Изиды Новосельцевой // Роман-газета. – 1987. – №7.
4. Гончар О.Т. Собор. – К.: Дніпро, 1989.
5. Гончар О.Т. Твори: В 7-и т. Т.6: Берег любові: Роман; Оповідання; Статті; Приміт. В.Коваля. – К.: Дніпро, 1988.
6. Зорівчак Р.П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. – Львів, 1983. – 176 с.
7. Окладникова А.В. Исследования в области языка (проблемы нормы и узуса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 17 с.
8. Пилинский Н.Н., Григораш А. Сопоставительный аспект изучения лексики и фразеологии русского и украинского языков // Система і структура східнослов'янських мов. – К., 1997. – С.48–52.
9. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974. – 216 с.
10. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд. – М., 1987.
11. Фразеологічний словник української мови: В 2 кн. – К., 1993.
12. Цимбалюк Т.В. Мова перекладу Миколи Лукаша: Фразеологія роману Мігеля де Сервантеса Саведри „Дон Кіхот” / За ред. Л.О. Пустовіт. – К.: Довіра, 1996. – 238 с.

Гафарова Р.И.

УНИВЕРБАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ КОМПРЕССИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

На протяжении длительного времени ученые-русисты уделяют пристальное внимание компрессивному словообразованию. Актуальность темы исследования определяется тем, что появляются новые перспективы для познания языковой системы в целом, для создания новых словообразовательных моделей. Словарный состав языка обогащается не только в количественном, но и в качественном отношении, то есть путем расширения семантической структуры имеющихся слов, развития новых значений и становления полисемии. Формирование новых, расширенных или суженных, единиц обусловливается объективной действительностью и происходит под влиянием интралингвистических и экстралингвистических факторов. Цель предлагаемой статьи представить универбацию как один из видов компрессивного словообразования, способствующий обогащению словарного состава языка. Отбор материала для анализа проводился по признаку общности структуры сложных и сложнопроизводных слов, семантического тождества отдельных единиц и наличия слов универбационного (эллиптического) происхождения.

Активизация механизмов компрессии в языке на стыке XX–XXI столетий – один из ярких примеров непосредственной связи языка и истории общества. Развитие экономики, культуры, НТР в обществе требуют новых, экономных в общении средств номинации. Особенно бурно возникают компрессивы в период общественных катаклизмов: революции, войны, смены общественных формаций и т.д. Одним из первых подобное явление рассмотрел польский исследователь Ян Розвадовский, который выдвинул теорию об универбах – как «учение об исконной двучленности всякого наименования». По Розвадовскому, вновь возникающие понятия одними признаками связываются с уже существующими понятиями, другими – от них отличаются; поэтому и языковой знак состоит из двух компонентов – идентифицирующего и дифференцирующего, например: *пятно > родимое пятно > родинка*. Перед нами один знак, равный одному несложному

слову, наращивает модификатор [6, с.28–29] и в результате образуется определительное сложное слово, потом оно в свою очередь наращивает модификатор, который сам может быть равным определительному сложному слову. Из этого следует, что образовались два компонента одного знака, а не два знака, что доказывается «свертываемостью» двусоставного наименования. Идею Я. Розвадовского стали затем успешно развивать в 50–60-е гг. В.В. Виноградов (1951) и А. В. Исаченко (1958).

Академик В.В.Виноградов называл явление синтетическим сжатием, отмечая, что при таком словообразовании возникает слово с меньшим, чем исходное, количеством корней [2, с.164]. А.В.Исаченко сущность развития наименования видел в том, что «один из элементов номинации, состоящей по происхождению из двух элементов, утрачивает свою самостоятельность, в связи с чем происходит объединение этих элементов в одно целое, т.е. универбация – переход слова из категории мотивированных в категорию немотивированных» [5, с.338]. В.В. Виноградов еще в 1950 году отметил, что «словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативной категории речи, средств сообщения. Но оно относится так же, как слово, и к области «номинативных» средств языка, средств обозначения» [1, с.38]. Тем самым лингвист подчеркнул, что в русском языке существуют номинации, образовавшиеся на базе устойчивых словосочетаний. На современном этапе интерес к компрессии был возрожден, поскольку изменения в обществе породили массу словообразовательных единиц, потребовавших своего описания и места в системе словообразования русского языка.

В русском языке широко представлена лексика, образованная в результате компрессивного словообразования, которое «объединяет те способы словообразования, по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой» [4, с.120], включающие в себя универбацию, усечение, субституцию и аббревиацию.

Компрессия как лингвистическое явление теснейшим образом связана с семантической стороной языка. Суть ее заключается в устранении тем или иным способом заключенной в тексте информации, которая в данном акте коммуникации оказывается излишней. В результате описание внеязыковой ситуации становится более компактным и более экономным с точки зрения коммуникации. Однако надо помнить, что замена полного варианта компрессированной структурой не изменяет информационной стороны лингвистической единицы. Как известно, в лингвистике существуют два подхода в изучении компрессии.

Компрессия рассматривается в широком смысле как процесс, который охватывает всю систему русского языка, начиная от фонетики и заканчивая синтаксисом, поскольку явление универбации лингвистических единиц есть на всех уровнях языковой системы. Так, на фонетическом уровне в речи (тексте) может быть пропущена подразумеваемая единица языка: звук или звукосочетание. Обычно это происходит в разговорной речи: када «когда», чё «что». Р.Якобсон и М.Халле в «Фонологии и ее отношении к фонетике» писали: «Небрежное произношение является лишь сокращенно–производным вариантом полной, отчетливой формы речи, которая несет наибольшее количество информации». На уровне синтаксиса, как правило, опускается внутреннее звено предложения при сохранении крайних, но именно в них и заключается искомый смысл. *Ученые – родине. Глава первая, в которой (рассказывается о том, как..) Фандорин попадает под арест* [Б.Акунин].

В широком смысле процесс компрессии понимали Л.В.Сахарный, А.А.Шахматов, Л.В.Щерба. По мнению академика А.А. Шахматова, эллипсис – это не одноактное явление, а результат эволюционного развития языка, который связан с явлением антиципации, когда по фрагменту лексического состава ... единицы предвосхищается значение целого [7, с.59]. И.П. Глотова указывает, что «общее и необходимое свойство компрессивов – соотносительность их с комплексным наименованием как реально бытующим, так и потенциально возможным» [3, с.4]. Исходя из данного определения конденсатов, все производные существительные суффиксального образования можно рассматривать как своеобразные универбы. Мы будем рассматривать компрессию как результат некоего сжатия лексических единиц, сопровождающегося конденсацией семантики в исходном варианте, полученном в результате аффиксальной деривации. В отличие от А.В. Исаченко, исследовавшего в основном процессы плана содержания при преобразовании наименования в однословное обозначение, нас интересует как план содержания, так и план выражения. Определим круг терминов, которые будем использовать в ходе нашего исследования. Под компрессией (от лат. *compression* – сжатие) будем понимать процесс, который сводится к «устранению тем или иным способом заключенной в тексте информации, которая в данных условиях коммуникации оказывается излишней» [6, с.36]. Компрессивом (конденсатом) называем лингвистическую единицу, полученную путем сжатия многолексемного обозначения до одной лексемы с последующей конденсацией семантики. Словосочетание и компрессированный его вариант можно рассматривать с точки зрения парадигматики и синтагматики как разные формы выражения информации.

Процесс универбации распадается на два этапа: 1) образование составного наименования (в результате развертывания, при котором к идентифицирующему компоненту прибавляется дифференцирующий); 2) собственно «универбация», то есть образование слова–универба (в результате свертывания составного наименования).

В последнее время вводится еще один новый термин – сорбент. О сорбции как о языковом явлении впервые упоминается в работе Н.С. Зарицкого «Семантико-синтаксическая сорбция как фактор эволюции значения слова». В ней автор приводит многочисленные наименования явления стяжения составляющих обозначений в одно имя: сгущение, консоциация, сжатие, стяжение упрощение опрощение, включение, усечение, эллиптизация. В широком смысле сорбция – это поглощение информационной части слова. Название термина происходит от латинского слова *sorbeo* – «проглатывать, всасывать в себя». Одноименное явление в химии обозначает поглощение твердым телом или жидкостью вещества из окружающей среды.

Аналогичный процесс наблюдается в современном русском языке, когда словосочетание «легковой автомобиль» превращается в *легковушку*.

Таким образом, универбаты и сорбенты – это тождественные явления, т.к. новые слова образуются в результате свертывания словосочетания в одно слово с помощью суффикса.

Следует отметить, что данный способ словообразования весьма продуктивен в современной разговорной речи, а образованные таким образом универбаты все активнее проникают в язык периодики, где выполняют различные стилистические функции. В настоящее время такими производными особо насыщены молодежные газеты, журналы, телевидение. Рассмотрим на примере: «*Длинноногая «фабрикантка» пугачевского созыва Ирэн Кудикова играючи защитила звание мастера спорта по баскетболу*». Дериват «*фабрикантка*» образовался при помощи суффикса *-к-*, в данном контексте означает – бывшая участница музыкальной группы «Фабрика звезд» (Телескоп, № 35, 2005).

Суффиксальная универбация – это способ компрессивного словообразования, которое служит целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц. Эти универбаты присущи прежде всего разговорному языку. Например: *ежедневка* – *ежедневная газета*, *визитка* – «*мужское платье в виде короткого однобортного стюта*» «*информативная карточка*»; *продленка* – «*удлиненный сеанс в кино с показом анонсов о новых фильмах, кроме основного фильма*» и т.д. Суффикс выполняет две функции – оформить слово (перевести основу прилагательного в субстантив) и маркировать основу как производную.

Как показали наблюдения над фактическим материалом, продуктивным явлением стало образование конденсатов на базе атрибутивных словосочетаний с использованием суффикса *-к(а)* (*-уик-а*, *-ашк-а*, *-анк-а*, *-инк-а* *-овк-а*, *-лк-а*, *-ловк-а*, *-шк-а*). Мотивирующие атрибутивные словосочетания могут включать в свой состав имена существительные всех трех родов, *музы колка* – «*музыкальный конкурс*», *валовка* – «*валовой продукт*», *литейка* – «*литейный комплекс*», «*цех*»; *научка* – «*научная работа*», *стихийка* – «*стихийная торговля*». Основная масса конденсатов с *-к(а)* – слова с предметным значением *электронка* – «*электронная почта*», *тренажерка* – «*тренажерный зал*», однако в последние годы заметно растет количество образований на *-к(а)*, имеющих непредметную семантику *мажоритарка* – «*мажоритарная система выборов*», *безнарядка* – «*безнарядная система оплаты*».

Традиционно принято считать, что суффикс *-к(а)* придает слову общепредметное значение. Исследователь И.П. Глотова оспаривает данную точку зрения: «Определение общей семантики данного суффикса как передающего значение предмета вообще – вызывает сомнение. Не все существительные с суффиксом *-к(а)* имеют конкретно-предметное значение; среди них есть и образования со значением лица, и отвлеченные (например, *первоклашка*, *капиталка* «*капитальный ремонт*», *военка* «*военная служба, кафедра*»). Видимо, суффикс *-к(а)* не имеет регулярного значения, если не считать таким значением сигнал стяжения комплексного наименования» [3, с.8].

Кроме того, в разговорную речь проникают семантические конденсаты, созданные по образцу жаргонизмов, с использованием непродуктивных ранее суффиксов *-ух(а)*, *-ач*, *-арь*: *глухарь* – «*глухое, безнадёжное дело*», *краснуха* – «*красный диплом (диплом с отличием)*», *щитовуха* – «*щитовой дом*», *типовуха* – «*типовое строительство*», *заказуха* – *заказное убийство*, *чернуха* – *негативные факты, события, явления жизни*. Ср.: «*Смотришь, вроде бы в детективах играют замечательные актеры, но ради динамичного действия на экране показывается чернуха*» [АиФ в Украине, 2002,38:15]. По этой же модели образован дериват *светлуха*: «*Когда в начале 90-х наши режиссеры ринулись в стихию ужасов советской жизни, Олег Фомин сделал фильм про школьную любовь. Посмотрев картину «Милый Эп», друзья-колеги начали подиучивать: изобрел, брат, новый жанр – светлуху*» [Арт-Мозаика, 2000, 38:12].

Конденсат *чернуха* (жарг.) приобретает отрицательную коннотацию, в то время как производное *светлуха* жаргонизмом, вероятно, не является. Происходит это не за счет суффикса *-ух(а)* (единого для этих образований), а за счет основ *черн-* с негативным значением и *светл-*, обладающей положительной окраской. На продуктивность суффикса *-ач-* указывают следующие примеры: *строгач* – «*строгий выбор*», *кирзачи* – «*кирзовые сапоги*», *жесткач* – «*жесткая музыка*»: ср.: «*Сложновато, конечно, и жестко получилось. ...Но после льющейся отовсюду сладкой гадости хочется ведь жесткача, призывки правды. У нас есть некая творческая инфекция, и надо заразить ею людей*» [Арт-Мозаика, 2004, 46:16].

Семантические конденсаты муж. р. образуются с помощью суффиксов *-ик* (*-ник*), *-чик*, *-щик*, *-ец*, *-ист*, *-ак/-як*, *-ок*. Это многочисленная, активно пополняющаяся группа слов со значением лица. Наиболее продуктивны наименования с суффиксом *-ик/-ник*: *базовик* «*работник (овощной) базы*», *шелковик* «*работник, занятый в области производства шелка*», *линейник* «*линейный монтер*», *головник* «*сотрудник головного научного учреждения*», *водник* «*работник цеха водоснабжения*», *магистральщик* «*строитель магистрального трубопровода*», *многосерийщик* «*тот, кто создает многосерийные фильмы*», *сюжетник* «*писатель, который строит свои произведения на сюжетной основе*» и др. Значительно реже образуются конденсаты с суффиксом *-чик/-щик*: *мажоритарчик* (*вариант мажоритарник*), *колитчик* (*больной колитом*), *нефтедобытчик* (*работник нефтедобывающей промышленности*). Единичны конденсаты с суффиксами *-ист-* и *-ец-*, например: *сталинец* «*лауреат Сталинской премии*», *тихоокеанист* «*ученый, занимающийся изучением культуры населения островов Тихого океана*», *олимпиец* «*участник Олимпийских игр*». Иногда существительные муж. р. со значением лица образуются с помощью суффиксов *-ак*: *первак* «*ученик первого класса*», *горняк* (*горнорабочий, горный инженер*).

Суффиксы *-ик(-ник)*, *-ак/-як*, *-ок* также используются, хотя и значительно реже, для образования наименований неодушевленных предметов: *-ик*: *западник* «*судно, прописанное в порту, расположен-*

ному в западной части Арктики», гусенечник «гусеничный трактор», кассетник «кассетный магнитофон», наливник «бензоналивная машина», трехколонник «статья, напечатанная в три колонки», сверхзвуковик «сверхзвуковой самолет», бюджетник «предприятие, финансируемое из государственного бюджета». Менее продуктивны образования, созданные по жаргонной модели с использованием суффиксов –ак/–як: общак «общая касса», горняк «горный ветер», , вводняк «вводная задача» (в разг. проф. речи), переходняк «переходный период (у подростков)»: «А вот у меня «переходняк» начался довольно рано» [Арт-Мозаика, 2000, 11:29]; головняк «головная боль»: «Вообще-то у меня – истерическое развитие личности. Сначала от сваливающихся «головняков», обломов плющит – потом резко наступает облегчение» [Арт-Мозаика, 2003, 22:2].

Однако не все универбаты образуются с помощью вышеназванных суффиксов. Свидетельством тому, в частности, является дериват голландит – голландская болезнь – «общественное движение в ряде западноевропейских стран против ядерного и ракетного вооружения в Европе (впервые получило широкое распространение в Голландии)»: Напуганные размахом антиядерного движения в Голландии, они [натовские генералы] стали открыто высказывать опасения, что «голландская болезнь», или «голландит», как они его называли, перекинется на другие страны Европы. «Ну что же, – говорят голландцы, – пусть это будет «голландит». Только мы называем это здравым смыслом» [Крым. Правда, 1981, 28:10].

Традиционно в процессе образования универбов одно слово поглощает значение другого слова без отдельного морфемного выражения этого значения в структуре слова. При образовании лексемы голландит в качестве производящего при мотивировке всем содержанием выбрано слово голландский, часть же смысла, заключенная в слове болезнь сохранилась в значении аффикса –ит. Аффикс –ит, выступая в качестве суффикса универбации, является не только средством свертывания словесного комплекса, но и суффиксом, оформляющим названия болезней (ср.: синусит, гайморит, бронхит, трахеит и т.д.). Таким образом, аффикс –ит имплицитно передает часть смысла, заключенного в слове болезнь в рамках словосочетания голландская болезнь.

Все разнообразие подходов толкования универбационных процессов можно свести к пониманию универбации в узком и широком значении. Мы разделяем точку зрения ученых, определяющих универбацию как замену расчлененной раздельнооформленной единицы цельнооформленной единицей, независимо от того, представлены ли в языке две формы обозначения одного и того же плана содержания: расчлененная и нерасчлененная.

Источники и литература

1. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // Русский язык в школе. – 1951. – № 2.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд.3-е. – М., 1986.
3. Глотова И.П. К вопросу об универбации (О функционально-стилевом и общелитературном употреблении) // Вопросы стилистики. – Вып. 12. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1977.
4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., 1981.
5. Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. – Прага, 1958. – № 27. – Т. 3.
6. Мартынов В.В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. – Минск, 1996.
7. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. – Пермь, 1984.
8. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 1941.
9. Сахарный Л.В. Словообразование как синтаксический процесс // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1974.

Данилюк Н.Е.

СЮЖЕТНЫЕ МОТИВЫ В ДРАМАТУРГИИ А.Н.ОСТРОВСКОГО НАЧАЛА 50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Александр Николаевич Островский известен в первую очередь как основоположник русского национального театра. Однако, как это ни парадоксально, творчество художника, сыгравшего во многом ключевую роль в развитии русской драматургии, изучено весьма и весьма недостаточно. Главным образом критиков и литературоведов интересовала социальная сторона его пьес. Что же касается проблем их поэтики, то они еще нуждаются в разработке.

Объектом исследования в данной статье послужили комедии «Бедность не порок», «Утро молодого человека», «Не в свои сани не садись» и народная драма «Не так живи, как хочется».

Основной задачей нашей работы было решение проблемы связи между ведущими сюжетными мотивами, повторяющимися в большинстве пьес драматурга начала 50-х годов, и авторской концепцией действительности. При этом мы исходили из того факта, что после комедии «Банкрот» («Свои люди, сочтемся!») А.Н.Островский решает не ограничиваться только обличением низких сторон купеческого быта, но найти в нем и положительное начало. Русский человек должен был по его мысли не только огорчаться, видя себя на сцене, но и радоваться. Таким образом, в конце 40-х – начале 50-х годов А.Н.Островский старается найти новые формы национальной жизни. Драматург надеется на возможность соединения нового начала, со-